

ПРОЛОГ

С тихим шуршанием падали осенние листья. Их мягкий шорох был единственным звуком, нарушавшим тишину. Только шорох листьев да порой хлопанье крыльев сорвавшейся с ветки вороны. Большой город с его стуком колес, топотом конских копыт, шагами людей и нелюдей, криками разносчиков и зазывал, звонками, гудками, стуком дверей и калиток был так далеко и в то же время близко. За росшими вдоль ограды деревьями виднелись улочки с высившимися на них двухэтажными домами. В трех шагах уже раскинулся пригород, шумный, деловой. Но здесь... Здесь царила тишина, нарушаемая только шорохом опадающей листвы и хлопаньем вороньих крыльев.

Цокот копыт по брусчатке и стук колес резко оборвались у самых ворот. Из небольшого наемного ландо выбралась молодая женщина в черном платье. Густая вуаль спускалась на лицо, не позволяя полностью рассмотреть ее черты. Только по стройной фигуре, обтянутой платьем, и по тому, как легко она двигалась, можно было догадываться о ее возрасте. Не поднимая глаз, она протянула вознице империял¹, кивнула в ответ на вопрос: «Прикажете подождать?» — и, прижимая к груди охапку пестрых осенних цветов, пошла по усыпанной листьями дорожке вглубь городского кладбища.

Могилы, заключенные в тесные решетки оград, тянулись по обе стороны дорожки. Через каждые пятнадцать шагов между ними росли деревья, сейчас ронявшие листву на каменные плиты с высеченными на них именами. Многие могилы в старой части кладбища были заброшены — если бы не ухаживавшие за ними монахи-молельщики, внутри ограды стеной давно встали бы сорные травы, пророс молодой кустарник, корни деревьев разломали бы плиты, а мох и лишайник скрыли бы дав-

¹ И м п е р и а л — крупная денежная единица.

ным-давно забытые имена. Молодая женщина шла мимо, не глядя по сторонам. Она знала, куда идет. Ей не было нужды выбирать путь. Она смотрела только себе под ноги и не ведала, что за нею наблюдают.

«Опять пришла...»

«Каждый день ходит!»

«Никак не может забыть».

«Никак не хочет забыть».

«Ей больше не для чего жить».

«Это и плохо. И сама мучается, и его мучает...»

Привычным путем, который она могла бы проделать с закрытыми глазами, женщина дошла до окраины кладбища. Здесь вдоль посыпанных гравием дорожек шел ровный ряд относительно свежих могил — им было от силы полгода, и еще не надо всеми шелестели листвой молодые деревца. Надгробный камень на одной из них был весь усыпан цветами — иные были еще свежими, принесенными на днях, а иные уже засыхали. Опустившись на колени, женщина положила свой букет сверху и застыла, закрыв лицо руками.

Двое тихо следили за ней.

«Сил нет смотреть! Как думаешь, можно что-нибудь сделать?»

«Не беспокойся! О ней найдется кому позаботиться!»

С противоположного конца аллеи за женщиной наблюдал еще один человек. Он не видел тех двоих и не знал, что говорят о нем.

ГЛАВА 1

Вернувшись домой, Агния тихо поднялась по ступеням, тяжело опираясь на гладкое, отполированное сотнями прикосновений дерево перил. Миновала прихожую, переступила порог гостиной, машинально распустила завязки плаща, позволив ему упасть на пол, прошла к креслу. Опустилась в него, сложив руки на коленях и словно в первый раз оглядывая большую, тесно заставленную мебелью комнату. Два кресла у камина, бюро между двух высоких, забранных шторами окон. Диванчик, комод со старинной расписной посудой. Обеденный стол, стулья, подставка для шляп. Маленький журнальный столик. Большие напольные часы, равнодушно отбивающие время... Все как и прежде. Все как всегда. Как будто ничего не произошло. Как будто ее жизнь еще продолжается. Как будто она не осталась там, под сенью деревьев и каменных плит.

Цокот копытец прозвучал неестественно громко. Из расположенной внизу кухни своей семенящей походкой поднялась горничная Лимания.

— Госпожа! — проблеяла сатира, всплеснув руками. — Вы уже вернулись! А я слышала шаги... Ох, плащ-то что ж на полу-то забыли? Обронили?

Агния вздохнула. Говорить не хотелось.

— Да что же вы так. — Не переставая болтать, горничная быстро подняла плащ, ловко встряхнула и, подпрыгнув, повесила на крюк возле подставки для шляп. — Как же можно так с вещами-то обращаться? Ткань-то дорогая, запылилась... И платье у вас по подолу в листе... А сапожки! На каблучки-то листья налипло! Чистить надо!

— Зачем?

— А как же? — Лимания опять всплеснула ручками. Кончики ее пальцев заканчивались не ногтями, а крошечными копытцами, так что получился сухой клацающий звук. — Когда

на каблочки листва налипла, они не стучат, а чуть слышно топают. Зато когда каблочки чистенькие, любо-дорого послушать, как они цокают! Так-так-так-так!

Поведя плечиком, она несколько раз притопнула копытцами по полу, призывно качая бедрами. У сатиров — и особенно сатиры — чистоте и звонким звукам копыт придавалось большое значение. Сама Лимания каждое утро полировала свои копытца и часами на заднем дворе репетировала особую ритуальную походку, которая должна была сигнализировать самцам ее вида, что она молодая, здоровая и холостая самка, готовая к отношениям. К сожалению, в понимании сатиров «отношения» обозначали не создание семьи, а пылкий флирт и бурные ухаживания, после которых сатир отбывал в неизвестном направлении, а сатиры оставалась одна растить потомство и ждать следующего кавалера.

— Зачем? — повторила Агния чуть громче. В голосе, как ни старалась сдерживаться, прорвались слезы. — Зачем мне все это знать?

— Ну, — Лимания застыла с поднятой ножкой, — как же... я думала...Каблочки...Они... Ой, ну простите, госпожа! Я такая дурная! Я же совсем забыла! Ведь вы же опять туда ходили, да? Ой, да что же это я? Совсем вас заболтала... Простите!

Приседая и дробно топая копытцами, она запрыгала вокруг кресла, всплескивая руками и лепеча извинения. Агния не слушала ее дребезжащего голоска. Отвернувшись, она пустым взглядом смотрела в окно. Тихий осенний день. Пока еще тепло и светит солнышко, но уже через два с половиной месяца наступит зима. Все застынет, замерзнет до весны. Вот бы и ей так же замерзнуть — и не оттаивать уже никогда!

Лепет сатиры действовал на нервы, и Агния отмахнулась:

— Все, ты прощена.

— Правда-правда? — тоненько воскликнула Лимания. — И вы не-не-не пойдете жаловаться?

Козлоногим трудно было найти хорошее место. Горничная — вот самое большое, на что могла рассчитывать сатиры. И если ее уволят, вряд ли Лимании опять улыбнется удача. Тогда придется идти в поденные рабочие или вовсе убраться из города и где-то переждать зиму, чтобы весной наниматься на какую-нибудь ферму.

— Нет, — покачала головой Агния больше для того, чтобы от нее отвязались. Никуда не хотелось идти, ни с кем не хотелось общаться. На душе было тяжело и пусто.

— Тогда, — горничная преданно заглядывала в лицо своими округлыми грустными глазами, — может быть, я чаю сделаю? С жасмином и чабрецом? Как вы любите?

Вернее, как любил когда-то *он*. Как наяву, Агния услышала его голос, ровный, звучный, глубокий тенор: «Ты божественно завариваешь чай, Лимания! Скажи, это какой-то секрет, которым владеет только твой народ? Или ты совершаешь какие-то таинственные ритуалы, чтобы придать ему столь изысканный аромат? С чем он на этот раз? Какие новые травы тебе удалось раздобыть?» *Он* любил чай. Любил булочки с корицей и тмином. Любил мятные лепешки. Любил оладьи с кленовым сиропом. Любил...

На глаза навернулись слезы. Теперь все в прошлом.

Стуча копытцами, маленькая сатира убралась в кухню. Агния осталась сидеть в кресле, глядя на окно.

За стеклом тянулся обычный осенний день. Это была ничем не примечательная осень — то проглядывало неяркое солнышко, то начинал накрапывать мелкий дождик. Лето закончилось почти две недели назад. Самое страшное, самое долгое, самое кошмарное лето. Оно тоже было обыкновенным, и Агния в глубине души негодовала на жару, цветы, пение птиц, смех детей, тепло и свет. Ее мир умер, ее солнце погасло в тот жуткий день, когда...

Нет, она долго не верила. Когда ей сказали — не поверила. Когда увидела воочию — не поверила. Когда шли приготовления — не верила, жила словно во сне. И даже в самый последний день до самой последней минуты, до того мига, когда лопаты могильщиков бросили в яму первые комья земли, — она не верила и тогда. Поверила позже, вернувшись с кладбища домой и внезапно ощутив в душе пустоту.

Три месяца назад, в самом начале лета, умер ее муж.

Марек...Когда ей сказали о том, что случилось, она восприняла весть как глупую шутку Марек не мог просто так взять и умереть. Он же ничем не болел. Сколько они были знакомы — со дня первой встречи и до самого конца, — он ни разу не чихнул, ни разу не упал и не повредил себе ногу или руку. Ни разу даже не получил ожога на своей работе. А там так опасно — химикаты, всякие приборы, котлы, высокая температура... Даже когда у них взорвался перегонный куб, и то Марек не пострадал. Его удачливости можно было позавидовать. И вдруг...

Было трудно поверить, что больше она не услышит его голоса, не порадуется его улыбке, не увидит, как он входит в комнату. В пустом доме больше не прозвучит раскатистый звонкий смех. Никто больше не бросит мимо стула рубашку, никто не подшутит над нею, когда она станет выходить из ванны. И не будет больше тех ночей, то нежных и теплых, то горячих и душных от страсти. И не будет ребенка — сына или дочери — так похожего на отца. Они хотели подождать с детьми, пожить немного для себя.

Поначалу она даже не поверила, что он мертв. Подбежала, схватила за руку, встряхнула, окликая по имени. Даже поцеловала несколько раз. Он не отозвался, его руки и губы были холодными и твердыми. Но она не верила. Все ждала на похоронах, что обман откроется. Была убеждена, что это не он, что Марек просто исчез и это чей-то чужой труп. Что сейчас муж войдет и очень удивится, увидев посреди комнаты гроб с незнакомым телом. Может быть, даже рассердится, устроит скандал... Хотя он не умел злиться. Он всех любил, всех уважал. Все платили ему тем же. Он был самым лучшим.

Был. И вот его не стало.

А жизнь продолжалась. Глупая, никому не нужная жизнь. Город легко перенес потерю, заметили только соседи и его коллеги по лаборатории. Да еще несколько родственников, явившихся на похороны. Они-то всем и занимались — две какие-то тетушки в трауре и вуалях старых дев и тощей, болезненного вида священник, оказавшийся его троюродным братом, удалившимся в монастырь по причине слабого здоровья. Примчались и ее родные. Смутно запомнились слезы матери, ее неловкие и совершенно неуместные попытки утешать. Ни от мамы, ни от сестры не было никакой пользы — одна лишь всхлипывала и причитала, жалея дочь, а другая исподтишка пыталась выяснить размер наследства, которое теперь причитается бездетной молодой вдове. И, кажется, только презрительно фыркнула, узнав, как ничтожно мало ей досталось. Ничего удивительного, что всем занимались тетушки ее супруга. Они да несколько сердобольных соседок и взяли на себя все хлопоты. У Агнии не было сил ни на что, даже на разговоры. Она пребывала словно во сне и проснулась, лишь когда все было кончено.

С тех пор время словно остановилось. Она жила по инерции, ни о чем не думая, ничего не желая и не принимая у себя ни родных, ни друзей. Отгаивала лишь в те минуты, когда хо-

дила на кладбище. Каждый день. Все три с половиной месяца. И каждый раз приносила цветы. Это было все, что она могла дать умершему мужу. Да еще ночи... Ночи, о которых она предпочитала бы не рассказывать никому. Это была ее маленькая тайна, то, что давало силы жить дальше. Но до ночи должен был пройти этот длинный, ужасный день...

Тихо цокая копытцами, вошла Лимания. Выпучив от напряжения округлые желтые глаза, водрузила на стол самовар. Быстренько, бросая на хозяйку вопросительные взгляды, накрыла на стол — две чашки, сахарницу, молочник, две вазочки, с печеньем и конфетами, маленькую креманочку с вареньем. Уже открыла рот, чтобы что-то спросить, но передумала и выскользнула вон.

Агния лишь мельком бросила на суетящуюся служанку равнодушный взгляд и снова отвернулась. Она вспоминала кладбище. Осенний денек. Наконец-то перестало жарить это надоедливое солнце! Желтые листья в кронах деревьев, как первая седина. Пожухлая трава. Последние осенние цветы. Она купила букет, не торгуясь, несмотря на то что пришлось отдать за него целый империял, а денег оставалось не так много. Прижимая подарок к груди, прошла мимо чужих могил, не глядя по сторонам. Ее ждал муж. Там, под каменной плитой с высеченными на ней именем и несколькими прощальными словами. Все пространство вокруг было усыпано цветами. Она приносила их каждый день, клала новые поверх старых, садилась рядом, на ту же плиту, обнимала камень... Каждый день. Как всегда. Или...

Агния нахмурилась. Сегодня все было не так, как всегда. Могила выглядела по-другому. Нет, надгробная плита не покосилась. Ограда была на месте. И груда цветов никуда не делась. Но что-то было не так. Что-то изменилось. Такое впечатление, что на могиле побывал кто-то еще. Но кто? Родители Марека умерли, когда он был еще мальчиком. Его вместе со сводным братом накануне отослали в частную школу, где он жил и воспитывался до восемнадцати лет. Обе тетушки? Про них Агния не думала — она и увидела-то их в первый раз только на похоронах и понятия не имела, откуда они взялись и куда потом подевались. Кто же там побывал и что делал? Подумав еще немного, Агния отбросила эту мысль. Ее ничего больше не интересовало. Уже три месяца она жила как во сне. Говорят, за такой срок может угаснуть любая боль. Врут. Ей по-прежнему так больно, что не хочется жить. Если бы можно было просидеть всю жизнь вот так, а потом...

Скрип приоткрывшейся двери прозвучал, словно гром среди ясного неба. Вздрогнув, Агния резко обернулась и оцепенела, от удивления и ужаса не в силах даже закричать. В проеме двери застыл темный силуэт.

— А...

Это было все, что она смогла выдать из перехваченного спазмом горла. Силуэт сделал шаг. Бесшумно, как призрак, перенес ногу через порожек...

— Не ждала? Извини, не получилось раньше...

Агния помотала головой, не в силах вымолвить ни слова.

— Ты чего в темноте сидишь? — будничным тоном поинтересовался незваный гость. — Уснула, что ли?

Он прошел к камину, на ходу доставая кисет. Чиркнул спичкой, зажигая выставленные на мраморной полке в ряд три свечи. Высокий, худощавый, в своем длинном темном плаще кажущийся еще выше и тоньше, чем есть на самом деле.

Три желтых огонька озарили комнату, и Агния сообразила, что и в самом деле уже сгустились сумерки. Наступил вечер. Неужели она действительно задремала? Это при том, что ночами ее с давних пор мучила бессонница. Она до двух-трех часов ночи лежала с открытыми глазами, думая о Мареке, вспоминая Марека, разговаривая с его тенью, и лишь перед рассветом забывалась коротким сном. Просыпалась через пару часов с тяжелой головой, чтобы прожить еще один тягостный день...

— Как, — собственный голос показался чужим, — как ты попал сюда?

— Вошел, — лаконично объяснил гость, скидывая плащ и вешая его на гвоздь. — У тебя было не заперто.

— Как ты посмел сюда явиться? — Агния почувствовала, что голос ее подводит, и прикусила язык. Гнев, ненависть и ужас, которые она испытывала при виде этого мужчины, лишали ее остатков разума. — Как ты мог вообще переступить порог этого дома?

— Как-как... ногами! — Он склонился над камином, подбросил в него несколько кусков угля из корзины, развел огонь. — И потом, Агни, неужели если я чего-то хочу, меня может кто-то остановить? Или что-то?

Лимания мялась на пороге.

— Простите, госпожа, — проблеяла она, — я не-э-э хотела... Он сам ме-ме-меня заставил...

— Пошла вон, — коротко распорядился гость. — Не хватало

еще, чтобы ты тут свои козьи орешки с перепуга рассыпала... Нет, стой! — встрепенулся он, уже когда сатира кинулась прочь. — Что это тут у нас? — подошел к самовару, потрогал. — Давно остыл... Ну-ка, согрей снова и принеси чего-нибудь по-сушестьнее пары печенек. Есть готовое?

— Пи-пирог, — еле слышно промолвила сатира. — С капустой...

— Тащи.

Лимания бросила на хозяйку затравленный взгляд. Одним из условий приема козлоногих на работу было обязательное повиновение *всем* людям без разбора, если они не приказывали что-то незаконное. Но, с другой стороны, она слишком уважала свою хозяйку, чтобы безропотно подчиняться.

— Беги-беги, — подбодрил ее гость. — Твоя госпожа тоже с удовольствием поужинает.

— Я не хочу есть. — Агния наконец собралась с силами. — Тем более с тобой.

Желудок тут же протестующее забурчал — с утра во рту не было ни крошки.

— А почему? — не обращая внимания на возмущение хозяйки, гость расположился в другом кресле, закинув ногу на ногу и покачивая носком выпачканного в пыли сапога.

— Ты не имеешь права здесь находиться! — воскликнула Агния. — Это мой дом. А ты... Ты — убийца!

— Мм? — Он заинтересованно поднял бровь. — Это что-то новое!

— Ты убил Марека! — отчеканила молодая женщина. — Ты не мог простить ему, что он лучше тебя, умнее тебя, добрее... Ты не мог смириться с тем, что я предпочла его тебе! И ты решил избавиться от него.

— Чтобы ты досталась мне? — кивнул гость. — Идея заманчивая, но ей не хватает логики. Ты мне нравишься, Агни. Я хотел сделать тебя счастливой, но отнюдь не таким способом. Ведь сейчас ты несчастна?

Агния кивнула, чувствуя, как на глаза сами собой наворачиваются слезы.

— Вот видишь, — мягко произнес мужчина. — Тебе плохо...

— Да! — со слезами выкрикнула она и, не выдержав, разрыдалась. — И виноват в этом ты! Только ты! Ты убил Марека!

— Снова-здорово! Доказано, что смерть наступила в результате естественных причин!

— Но ты был там! Вместе с ним!

— Да. И поверь, я ничего не мог сделать. Просто не успел. Кроме того, Мар был моим другом... моим братом, несмотря на... на то что было между нами.

— Другом! А ты его предал! И убил!

Внезапно мужчина вскочил на ноги. Он сделал это так быстро, что Агния ойкнула и отпрянула, вжимаясь лопатками в спинку кресла. Он навис над нею, сжимая кулаки. В серых глазах загорелся ледяной огонь.

— Послушай, Агни, — он никогда не звал ее полным именем, — я могу многое от тебя стерпеть потому, что ты мне нравишься. Но, клянусь кишками Первопредка, еще одно обвинение — и ты пожалеешь! Мар был моим сводным братом. Мы выросли вместе. И не тебе бросать мне подобные обвинения!

Похолодев от страха, она вдруг поняла, что сейчас он ее ударит. Кинув беспомощный взгляд в сторону двери, Агния заметила, что та прикрыта. Лимания, конечно, не станет ввязываться. Да и что она может сделать?

— Ариэл, — прошептала она. — Не надо...

Он отступил, все еще сжимая кулаки. Развернулся в сторону двери.

— Кто еще там? — рявкнул, срывая злость.

— Пи-пирожки есть будете? — послышался дрожащий голосок Лимании.

— Давно пора!

Бросая на людей робкие взгляды, сатирра засуетилась у стола, заново накрывая его для ужина. Она, конечно, не слышала и половины разговора, держась в стороне, как и положено вышколенной служанке, но ее присутствие действовало на Агнию успокаивающе.

Ариэл уже опять сидел в кресле, по своему обыкновению положив ногу на ногу и не обращая явного внимания на хозяйку дома. А та рассматривала незваного гостя с тревогой и недоумением. Ведь, как ни странно, ее покойный муж и этот человек действительно были друзьями. И действительно считали друг друга братьями. Хотя, казалось бы, двух более несхожих типов представить было невозможно. Один — весь на виду, прямой, открытый, честный. А другой — все время в тени, вечно окружен тайнами и что-то скрывающий ото всех. К одному люди тянулись, другой сам от себя всех отталкивал. Он показался Агнии таким еще при первой встрече, которая сама по себе была таинственной и пугающей.

Марек жил в большом общежитии, находившемся в глубине парка, который вплотную примыкал к университету. В конце липовой аллеи стояло четыре корпуса. В двух жили студенты, слишком бедные для того, чтобы снимать жилье в городе или квартировать у родни. Еще в одном обитали преподаватели и холостые мастера, а последнее было отдано для аспирантов, лаборантов, подмастерьев и многочисленных техников. Некоторые из них имели дело со столь сложными и дорогими приборами, поэтому им не позволялось покидать территорию университета в течение всего срока действия контракта.

Аспиранты и подмастерья, однако, люди изобретательные. Несмотря на строгий запрет и необходимость то и дело отмечаться у вахтеров, куда и на сколько часов отлучаешься, некоторые находили способ покидать общежитие, не ставя никого в известность.

Марек занимал три довольно просторные комнаты в конце коридора: переднюю, представлявшую собой часть того самого коридора, только отгороженную фигурной решеткой, и две небольшие спальни, расположенные друг напротив друга. Коридор заканчивался декоративным балкончиком, на который вела зарешеченная стеклянная дверь. Вниз с балкончика спускалась короткая пожарная лестница. В передней комнате у окна стояли два кресла, вешалка, большое, в рост человека, зеркало, подставка для зонтиков и тросточек и скамеечка для обуви.

Агния приходила к Мареку в общежитие всего дважды, и не столько потому, что ради каждого прихода нужно было заказывать пропуск, а вахтер считал своим долгом с точностью до минуты контролировать ее нахождение здесь. Просто жила она на противоположном конце города, и если после свидания провожать девушку до дома, то Марек не успел бы вернуться в общежитие к сроку.

Агния немного робела. Ей казалось, что все, абсолютно все знают, зачем Марек Боуди ведет девушку в свои покои. Студенты ухмылялись как-то двусмысленно, вахтер покачал головой, вздыхая своим мыслям. Попавшиеся несколько раз на пути подмастерья и бакалавры расступались и, можно было голову дать на отсечение, провожали ее взглядами. Был уже вечер, и Агния прекрасно понимала, что засветло не успеет вернуться домой. Ей предстояло впервые в жизни провести с мужчиной так много времени.

Коридор был освещен очень скупо. Две лампы горели желтоватым светом возле лестницы и еще одна — в противополож-

ном конце коридора. Агния невольно теснее прижалась к Мареку, и тот взял ее под руку, накрывая пальцы девушки своей крепкой ладонью.

— Все будет хорошо.

Она ответила улыбкой.

Отперев дверь, отделяющую его переднюю от коридора, Марек посторонился, давая девушке дорогу, и вздрогнул, когда из полумрака послышался хрипловатый голос:

— Ну наконец-то! И где тебя носило столько времени?

— Ариэл?

Первый испуг прошел, и Агния увидела, что в кресле у окна сидит худощавый незнакомец в пыльном, несколько старомодном сюртуке.

— Он самый!

— Как ты сюда попал? — Марек переступил порог, пропуская Агнию внутрь.

— Вошел. — Незванный гость кивнул в сторону зарешеченного балкона.

— Но ведь решетка...

— Мар, — этот человек никого и никогда не называл полным именем, — если я хочу куда-то проникнуть, разве меня остановит какая-то решетка? — Он резко встал, оказавшись на полголовы выше хозяина комнаты. — Слушай, мне нужно где-то отсидеться. Ты приютишь меня на пару-тройку дней?

— Опять?

— Не опять, а снова. По-родственному! На сей раз мне есть чем заплатить за свое проживание и кормежку! — Он извлек откуда-то и подбросил на ладони золотой кругляшок. — Держи. Задаток.

— Ого! — Марек поймал монету. — Золотой декариал¹! Откуда у тебя такие деньги?

— Не скажу. Это секрет, но... — Тут он посмотрел на Агнию, и девушке показалось, словно ледяная рука сдавила ей горло, до того цепким и пристальным был его взгляд. — Я готов открыть тебе свою тайну, если ты поведаешь мне, где отыскал такую красавицу!

От него веяло силой и еще чем-то — может быть, опасностью. Агния невольно придвинулась ближе к Мареку.

— Мы познакомились случайно. На приеме у ректора.

---

¹ Монета достоинством в десять импералов. В ходу также двойные импералы и мелкие серебряные и медные деньги.

Это — Агния Пани. Моя... невеста. — И, прежде чем девушка сообразила, что он только что сказал, быстро добавил: — Агния, разреши представить тебе моего сводного брата Ариэла...

— Широко известного в узких кругах, — дополнил тот и склонился над рукой девушки, не сводя с Агнии пристального взгляда. — Ты не говоришь, что собираешься жениться!

— Я, — Марек посмотрел на Агнию, — еще никому об этом не говорил. Мы...

— Мы не торопимся, — промолвила девушка просто для того, чтобы что-то сказать. Откровенно говоря, Марек еще ни разу не беседовал с нею о будущем. Они пока были просто друзьями и целовались-то всего несколько раз, так что звание невесты свалилось на Агнию как снег на голову.

— А зря, — под пристальным взглядом серых глаз было неуютно. — Ты должен как можно скорее сделать эту красавицу своей женой, пока не нашлись охотники отбить ее у тебя. Она слишком хороша для такого, как ты!

— Много ты понимаешь! — воскликнул Марек.

Агния же почувствовала неприязнь к этому худощавому смуглому мужчине. Вроде и лицо у него приятное, с резкими мужественными чертами, и сам он мог бы показаться привлекательным, даже красивым, и двигался он легко и непринужденно, а все равно Агния бы дорого дала, чтобы этот тип куда-нибудь исчез.

— Сейчас я понимаю только одно — в лотерее жизни ты выиграл самый счастливый билет. Ты родился с монеткой во рту¹! Она чудо. И я предлагаю выпить за это.

Агния запаниковала. Она вдруг подумала, что стоит Мареку хоть на миг покинуть комнату, как этот его кузен набросится на нее — и одному Первопредку известно, что произойдет. Но Марек лишь улыбнулся, открыл стоявший в углу длинный узкий ящик и извлек оттуда две оплетенные лозой бутылки.

— Ого! — Ариэл бесцеремонно отобрал у него вино. — «Южная ночь» и «Северная звезда»! Шикарно!

— Остатки роскоши.

— Роскошный напиток для роскошной женщины! — торжественно провозгласил Ариэл.

Тот вечер был безнадежно испорчен. Ни о каком романтическом свидании и ужине при свечах не могло быть и речи,

---

¹ Аналог выражения «родиться в рубашке».

пока рядом находился Ариэл. Его присутствие холодило у Агнии кровь — и это при том, что он не был ни назойлив сверх меры, ни цинично-развязан, ни груб, ни нахален. Но с первой же минуты она мечтала только об одном — чтобы он исчез и больше не появлялся.

Разговор вертелся вокруг них двоих — Марек пытался осторожно выпытать у сводного брата, откуда тот свалился как снег на голову и где взял столько денег, а сам Ариэл то и дело обращался к Агнии, не спеша внятно отвечать ни на один вопрос. В конце концов девушке это надоело, и она объявила, что идет домой.

Марек тут же вызвался ее проводить, и Ариэл тоже вскочил с места:

— Разрешите и мне составить вам компанию!

— О нет! — вырвалось у Агнии.

— А разве тебе не нужно где-то отсидеться? — поинтересовался Марек. — Ты так и не сказал, что опять натворил!

— Я все обязательно объясню, когда придет время, — пообещал Ариэл. — Но можешь мне поверить — на сей раз я никого не убил!

— Точно?

— Клянусь чреслами Первопредка! Когда я уходил, тот тип еще дышал!

— И на том спасибо! — горячо воскликнул Марек. — Но ты уверен, что тебе безопасно появляться на улицах города?

— Ради твоей очаровательной невесты я готов рискнуть своей жизнью. Кроме того, я вооружен! — Распахнув камзол, Ариэл продемонстрировал два пистолета, крест-накрест заткнутые за пояс. — И не хуже тебя владею шпагой!

— Лучше! Намного лучше! — с улыбкой заявил Марек и пояснил Агнии: — Пока я корпел над книгами и учился составлять формулы, мой сводный брат упражнялся в деле, более достойном настоящего мужчины.

— А именно — учился всем способам отбирать жизнь у ближнего своего. Сначала воевал в колониях под знаменами его императорского величества, а с некоторых пор предпочитаю тихие городские улочки. — Ариэл набросил на плечи плащ и галантным жестом предложил девушке руку. Агния отступила, демонстративно беря под локоть Марека.

— Прекрати, — попросил Марек. — Ты пугаешь Агнию!

— Эта? Испугалась? Она сама кого хочешь в дрожь вгонит!

Марек неожиданно рассмеялся необидным веселым смехом, а Ариэл одарил девушку насмешливой улыбкой, от которой Агния покраснела, и отступил на шаг, пропуская пару.

Так они и следовали по улицам вечернего города.

Агния крепко прижималась к Мареку и чувствовала сквозь перчатку и ткань камзола тепло его руки. За спиной по брусчатке постукивали подковы сапог Ариэла. Стук был каким-то нарочитым, он словно заявлял на всю улицу о своем присутствии, и девушка не могла отделаться от мысли, что Ариэл топают не просто так. Это был какой-то знак. Возможно, для грабителей, поджидающих свои жертвы в подворотне. Агнии хотелось бежать со всех ног, и она все ускоряла и ускоряла шаг.

— Ты чего? — спросил ее Марек. — Устала? Хочешь домой?

«Я боюсь! — хотелось ответить девушке. — Боюсь этого человека, который идет по пятам!» Но вслух она ответила согласием:

— Да. Я очень устала. И... у меня ноги в туфлях болят.

— Хорошо, тогда я найду нам экипаж.

Марек остановился и стал оглядываться. Но тускло освещенная улица — фонари на обочинах горели не везде, гораздо больше света давали окна верхних этажей и лампы у дверей некоторых магазинчиков — была пустынна. Несколько пешеходов торопились, как и они, добраться до нужного места. По противоположной стороне не спеша грохотала подвода, мимо перекрестка проскочил извозчик-лихач, но в возке уже кто-то сидел.

Агния тоже остановилась, но не успела и слова вымолвить, как ее схватили в охапку. Девушка завизжала и стала отбиваться от похитителя.

— Ох, поосторожнее! — воскликнул тот голосом Ариэла. — Как я тебя буду нести, если ты так брыкаешься?

— Поставьте меня! — закричала Агния. — Марек, сделай что-нибудь!

— Неси свою невесту на руках, если не можешь найти экипаж, или позволь сделать это тому, кто справится с такой ношей, если у самого не хватает сил, — пояснил Ариэл.

— Поставь ее, — негромко и спокойно произнес Марек, и державшие ее руки разжались. — И лучше сам найди нам экипаж.

Ариэл одарил Агнию улыбкой и отступил, выходя на дорогу.

— Давай убежим, — прошептала девушка, цепляясь за жёниха.

— От кого? От Ариэла? — не понял тот. — Почему?

— Я его боюсь!

Марек опять рассмеялся:

— Не бери в голову. Ариэл со странностями, это верно, но он неплохой парень. Просто ему не везло в жизни. Он ведь приемыш.

— Что?

— Только никому не говори, — подмигнул Марек. — Мои родители долго не имели детей. Им все советовали смириться: дескать, такова воля Первопредка и спорить бессмысленно. Но они все-таки взяли из приюта малютку. А через год у них родился я. Мы росли вместе, пока не умерли наши родители. А когда родственники стали разбирать документы, все и открылось. Нам тогда было довольно много лет. Ариэлу вот-вот должно было исполниться четырнадцать, мне только-только миновало двенадцать. Как раз на день моего рождения я и видел родителей последний раз.

Голос его тоскливо дрогнул.

Братья тогда находились в закрытой школе для мальчиков. Родители приехали в гости, поздравили Марека и уехали, чтобы погибнуть. Накануне в их дом поставили техническую новинку — паровой котел. Отец Марека хотел идти в ногу со временем. Он не желал, чтобы дом отапливался по старинке, дровами в камине. Паровой котел должен был решить эту проблему, но взорвался однажды ночью, разворотив перекрытия. По злой иронии судьбы, супружеская постель родителей стояла как раз над ним.

Завещания отец не оставил — он не собирался умирать, — по нему ориентировались на его дневниковые записи и общее мнение семьи. Большая часть состояния отходила Мареку как единственному прямому наследнику. Ариэл должен был поступить на военную службу — приемные родители уже отложили часть денег на покупку лейтенантского патента. В семнадцать лет Ариэл оставил школу и пошел в армию. Дослужился до лейтенанта, но вышел в отставку, когда совершеннолетия и права распоряжаться деньгами достиг его младший брат.

Марек к тому времени уже был на третьем курсе и считался одним из самых талантливых студиязусов. Смерть родителей повлияла на него странным образом — юноша во что бы то ни стало решил добиться, чтобы паровые котлы в будущем не взрывались и не губили людей. Получив состояние, он боль-

шую его часть тут же пожертвовал университету на развитие науки.

В это время к нему и явился Ариэл — с чином лейтенанта за плечами и кое-каким военным опытом. Он тоже попытался заняться наукой, но это дело показалось ему скучным. Обладая острым умом и наблюдательностью, Ариэл большую часть времени тратил на гулянки, попойки и дружбу с сомнительными личностями. Кончилось дело тем, что его отчислили после дуэли с каким-то студиозусом. И вот уже года три со дня своего отчисления Ариэл вел весьма странную жизнь — он то пропадал куда-то, то появлялся и просил брата приютить его по-родственному.

Однако после того вечера, когда Ариэл познакомился с Агнией, он, по словам Марека, изменился.словно решил взяться за ум и навестать упущенное. Стал чуть ли не ежедневно посещать лабораторию, подал документы о восстановлении его в звании вольного слушателя, ночевал только в общежитии, в апартаментах сводного брата, почти перестал куда-то отлучаться без ведома Марека... И неизменно сопровождал его на все свидания с Агнией. Девушка же его избегала. Он ее не то чтобы пугал — с первых дней было ясно, что Ариэлу она нравится. В присутствии Марека он держался в тени, когда они ходили куда-то всей компанией, от него и двух слов за весь день нельзя было добиться. Но тяжелые взгляды, которые он бросал на девушку и ее жениха, говорили сами за себя.

...На похоронах его не было — во всяком случае, Агния не могла вспомнить. И вообще за все три месяца он почти не появлялся в ее жизни, заходя лишь несколько раз, в первые дни ее вдовства.

Так было до сегодняшнего вечера. Зачем, ну зачем он пришел? Она же только-только начала успокаиваться! Чего он добивается? Хочет окончательно разрушить ее жизнь, от которой и так совсем ничего не осталось? Ну почему это случилось именно с нею? Почему Марек, умный, добрый, веселый, милый Марек лежит в могиле, а этот тип сидит здесь, закинув ногу на ногу, и как ни в чем не бывало смотрит Агнии в лицо? Почему жизнь так несправедлива?

Подняв глаза, молодая женщина встретила прямой открытый взгляд человека, которого она ненавидела. Гость рассматривал ее пристально, словно ощупывал.

— Ты стала совсем другой, — негромко промолвил он. — Побледнела, осунулась. Выглядишь плохо.

Агнии было наплевать, как она выглядит. Уже три месяца она не вылезала из траурных платьев, выходя из дома, опускала на лицо вуаль, перестала пользоваться косметикой. А зачем, если жизнь кончена? Но неожиданно слова этого мужчины причинили ей боль.

— Ничего себе! Умеешь ты сказать женщине приятное! — воскликнула она.

— Это не комплимент, а констатация факта. Я тебя не видел несколько недель. За это время ты ужасно переменялась. Если не возьмешь себя в руки, добром это не кончится.

— Ты жестокий...

— Какой есть! — Тонкие губы тронула кривая усмешка. — Я не Мар, красивые слова говорить не умею!

— Марек... он был... таким...

Вспомнив мужа, Агния почувствовала, как горло сдавила знакомая боль. Не в силах бороться с нею, молодая женщина уткнулась лицом в колени, пытаясь сдержать подступающие слезы.

Скрипнуло кресло, когда с него встал мужчина. Прошел к столу.

— Не реви, — послышался голос, который она ненавидела. — Слезами горю не поможешь!

Агния не выдержала и все-таки разрыдалась.

Отец Мило был молещиком. Каждое утро он обходил кладбище Невинных Душ, особое внимание уделяя могилам детей и тех, кто похоронен совсем недавно. Возле таких захоронений он задерживался, опускаясь на колени, и читал заупокойные молитвы. Иногда обходил надгробие по солнцу, окропляя святой водой и выкладывая на камень освященные на алтаре кусочки пресных лепешек-облаток. Если встречал родственников, утешал их, как мог, беседовал и за небольшую отдельную плату соглашался провести на могиле одну из ночей, молясь за душу усопшего.

Каждый день он обходил могилы по новому маршруту — ведь люди умирали чуть ли не ежедневно, — а возвращался всегда одной и той же дорогой. Мимо надгробия, усыпанного цветами так обильно, что камень с надписью уже почти скрылся за букетами. Большая часть цветов успела высохнуть, и отец

Мило уже думал о том, что весной надо будет прислать сюда могильщиков, чтобы те убрали сухие и гнилые стебли, освободив место для новых подношений.

Просто удивительно, что все это — дары одной-единственной женщины! Отец Мило видел ее иногда. Молодая и довольно привлекательная вдова. Всегда с опущенной вуалью, всегда с охапкой свежих цветов, всегда молчит. Отец Мило пробовал заговорить с нею, понимая, что иным необходимо выговориться, но эта женщина либо молчала, либо начинала плакать.

Дерево над могилой вроде было то же самое, но вот сама могила... Молельщик даже остановился, озираясь по сторонам. Ошибиться он не мог — не первый раз проходил усыпанной гравием и первыми опавшими листьями дорожке. И не так уж много было кленов на кладбище, чтобы перепутать. Но вот знакомый холм из цветов казался чужим.

Отец Мило свернул с тропинки, идя по осенней поникшей траве, и в удивлении покачал головой. Сваленные грудой букеты были раскиданы как попало. Несколько штук отлетело на соседние могилы. Такое впечатление, что кто-то пытался докопаться до надгробной плиты, очень торопился и действовал кое-как, второпях. Сама надгробная плита казалась слегка сдвинутой в сторонку, словно кто-то пытался приподнять ее. Хорошо еще, что каменный постамент в изголовье не тронули.

Молельщик огорченно покачал головой. Кто бы мог сотворить такое?

Обойдя могилу, он собрал разбросанные по сторонам цветы, сложил их на прежнее место, постарался кое-как придать холму первоначальный вид. Закончив работу, поспешил к храму, раздумывая, стоит ли сообщить о происшествии отцу настоятелю.

Время от времени такое случалось — обязательно находился кто-нибудь, кто разрывал могилы. Как правило, это были грабители, узнавшие о том, что вместе с каким-нибудь богачом на тот свет отправились ювелирные украшения. Иной раз могли вскрыть могилу, чтобы забрать на память прядь волос умершей возлюбленной или матери — если убитый горем родственник по каким-то причинам не успевал сделать это до похорон. Однажды какой-то влюбленный поэт положил вместе с предметом своей страсти альбом со стихами. А когда ему некоторое время спустя предложили издать его произведения, разрыл могилу, выкрал стихи и продал их. Несколько раз крали и сам

труп, оставляя в могиле только пустой гроб. А что на сей раз? Вроде бы ничего не тронуто, лишь подвинули могильную плиту. Но кто и зачем? Ответа на этот вопрос у отца Мило не было.

Тот вечер закончился тяжело. Агния сидела в кресле и ждала, когда же уйдет Ариэл. А он вел себя так, словно имел полное право здесь находиться. Верная Лимания принесла пироги и крутилась в комнате, вытирая несуществующую пыль и наводя порядок, хотя все и без того было идеально. Она отыскивала для себя одну за другой причину остаться, пока Ариэл не цыкнул на сатиру:

— Убирайся вон!

Подпрыгнув от неожиданности, та метнулась к порогу, и Агния выпрямилась. Она боялась этого человека, но и злилась на него.

— Как ты смеешь повышать голос в моем доме?

— Смею, — ответил Ариэл, жестом приказывая горничной закрыть за собой дверь с той стороны. — Нам надо поговорить!

— Нам не о чем разговаривать! — воскликнула Агния.

— Даже если речь идет о Маре? — заговорщически понизил голос мужчина.

— Не смей произносить его имени! — Агнию всю затрясло. — Ты и мизинца его не стоишь...

— И тем не менее он был моей семьей. А теперь моей семьей стала ты...

— Я не желаю иметь с тобой ничего общего! — Она сжала кулаки.

— Придется иметь. Неужели тебе неинтересно, где я пропадал все это время?

Его действительно не было в городе уже давно. Живя своей болью, Агния не могла даже точно сказать, когда видела его в последний раз.

— Меня это не интересует!

— А я занимался делами моего брата.

— Замолчи! — Она зажала уши руками. — Не хочу больше ничего слышать! Убирайся вон!

— Я могу уйти, — помедлив, Ариэл встал из-за стола. — Но неужели ты не хочешь узнать...

— Я ничего не хочу знать! Я хочу, чтобы ты ушел! Сию минуту! И оставил меня в покое!

— Но это...

— Вон! Вон из моего дома! — закричала Агния.

Ариэл раздраженно дернул щекой, как от пощечины.

— Как прикажешь, — холодно промолвил он, направляясь к двери и срывая с гвоздя свой плащ. — Провожать меня не надо. Я отлично знаю дорогу!

Распахнул пинком дверь, напугав притаившуюся снаружи Лиманию. Его подкованные сапоги быстро прогрохотали вниз по ступеням. Хлопнула входная дверь. Наступила тишина, нарушаемая только потрескиванием пламени в камине.

Две тени, держа на плечах лопаты, неслышно пробирались по аллеям кладбища. Заканчивался серый осенний вечер, холодная ненастная ночь вступала в свои права. Луны не было видно за облаками, деревья в вышине качали ветвями, словно пытались разогнать тучи и расчистить небо. Где-то выла собака. Ей вторили странные заунывные голоса.

— Слышишь? — Тот, что шагал позади, тронул своего напарника за плечо.

— Что?

— Вой! Это... как думаешь, кто это, Фил?

— Почему мне знать? Собаки, наверное.

— Нет, — подумав, промолвил мужчина. — Собаки так не могут. Как считаешь, это не вилы¹?

— Поздновато для них, — ответил Фил. — Сейчас осень, а они выходят только весной и летом. Пришли! Вот тут его закопали.

Могила была усыпана цветами так, что издали напоминала курган. Надгробный камень был еле заметен среди букетов. Мужчины стали осторожно разгребать завал, действуя быстро, но аккуратно.

— Тогда... может быть, — голос его напарника дрожал, — это шезрулы?

На сей раз Фил замер, прислушиваясь к его словам.

— А все может быть, — протянул он. — Про них даже вездешные лепрехуны почти ничего не знают.

В империи жило несколько нелюдских рас — козлоноги (самыми известными среди которых были сатиры и рогаши), тролли, ликантропы, лепрехуны. Большинство из них, будучи

---

¹ Здесь — природные духи стихий. Вилами становятся, как правило, души невинных девушек, умерших накануне свадьбы, и утонувших детей. К мужчинам вилы относятся отрицательно.

подданными империи людей — «человеков», — находили свое место в обществе, работая сторожами, грузчиками, уборщиками, рассыльными, нанимаясь приказчиками в лавки и прислугой в дома, занимались фермерством, мелким кустарным ремеслом или перебивались поденной работой.

Но была среди них одна раса, которая существовала как бы сама по себе. Это были шезрулы. Разбросанные по всей империи и раньше не имевшие отдельного государства, они жили своей жизнью, занимались своими делами и никому не позволяли узнать правду о себе. Кем были шезрулы на самом деле, чем жили — люди питались только слухами, один другого чуднее. Самым неправдоподобным — и самым живучим — был слух о том, что шезрулы на самом деле духи, по каким-то причинам обретшие плоть.

— Смотри!

Фил выпрямился, и лопата сама выскользнула у него из рук. В их сторону не спеша двигалась высокая белая тень. Она походила на необыкновенно худого человека с очень длинными руками и ногами.

— Шезрул! — не своим голосом завопил напарник Фила, кидаясь прочь.

— Вот дьявол, — выругался тот, складывая пальцы в фигу. — Сгинь! Сгинь, нечисть! Сгинь, погань! Сгинь, пропади, рассыпся!

Тень продолжала идти. Более того — внезапно рядом с нею оказалась еще одна, поменьше, с размытыми очертаниями. Она вырвалась вперед, взмывая в воздух, и Фил развернулся и со всех ног бросился бежать, прижимая лопату к груди.

В ту ночь Агния отправилась в постель с особым чувством. Расчесала волосы, надела новую ночную сорочку с кружевами, серебряную цепочку — подарок супруга — слегка тронула помадой губы. Потом легла на середину кровати, натянула одеяло до подбородка и стала ждать.

Как всегда, ждать пришлось недолго. Не успели часы в гостиной пробить одиннадцать раз, как в комнате резко похолодало. Пронесшийся по комнате сквозняк заколыхал занавески на окне. На удивление громко зашелестел листвой старый клен, росший под окном. Одна ветка качнулась, стукнула в стекло. Трепавший в углу сверчок испуганно смолк.

Агнию пробрала дрожь. Закрыв глаза, она ждала. Несмотря

на пуховое одеяло, было холодно, словно уже наступила зима, а она забыла закупить угля.

А потом чьи-то ледяные пальцы коснулись ее лба. Проползли до переносицы, потом вниз, до самого кончика носа, добрались до губ.

«А-Агния...»

Столько нежности было в этом тихом шепоте, что захотелось плакать. Но слез не было — они замерзли сразу, как появились, склеив ресницы так, что открыть глаза молодая женщина не смогла бы при всем желании. Но она и не собиралась этого делать. Просто лежала и чувствовала, как попеременно то в холод, то в жар кидает ее тело от прикосновения призрачных рук.

«Агния, — нежный голос совсем близко, — моя Агния... Как бы я хотел...»

А как хотела она! Эти прикосновения сводили с ума. Тело отзывалось на ласки призрака, которые становились все откровеннее. Она попыталась застонать, но не смогла открыть рот и лишь замычала что-то. Ледяные пальцы скользнули ниже, до шеи, ключиц... Минувя сорочку, добрались до груди. Ни одеяла, ни одежды для них просто не существовало. Агния тихо взвыла, когда две ледяных ладони легли на ее груди. Как бы хотелось, чтобы это был настоящий, живой Марек! Если бы можно было повторить хотя бы одну из тех ночей!

«Агния, — снова этот сводящий с ума шепот, — моя прекрасная Агния! Если бы ты знала, как я скучаю без тебя!»

«А я! Как скучаю я!» — хотелось крикнуть в ответ, но она не смогла — губы опять обожгло льдом.

На этот раз прикосновение было долгим и причиняло боль — словно она целует на морозе железную скобу, как в детстве, на спор с соседскими мальчишками, — но боль быстро переросла в наслаждение. Агния застонала, чувствуя, что одновременно холодные пальцы призрака отпускают ее грудь и скользят ниже, к животу и бедрам. И она подалась навстречу, послушная, готовая на все и сходящая с ума от призрачных ласк. Вот сейчас холодные пальцы дотронутся до самого сокровенного и...

И все кончилось.

Ощущение чужого присутствия ушло. Она словно вынырнула из водоворота тяжелого сна. Но это был не сон. Тело ныло, требуя продолжения ласк. Губы болели, а тоска в груди стала такой нестерпимой, что Агния разрыдалась. Опять одно

и то же! Почти каждую ночь к ней являлся призрак умершего мужа. Почти каждую ночь он ласкал ее, шептал нежные слова, заставлял снова и снова переживать любовный жар — и исчезал так же внезапно, как и появлялся.

Чувствуя себя опустошенной, обессиленной, бесконечно усталой, Агния долго лежала в постели без сна, ожидая, не вернется ли призрак. Миновало еще часа два прежде, чем она погружилась в сон.

И ей приснился Марек.

Муж часто приходил во сне. В большинстве случаев ей виделось одно и то же — она бежала по пустой незнакомой улице за удаляющейся фигурой. Кричала, звала, протягивая руки. А он уходил, не оборачиваясь. И в темноте, среди клочьев тумана, нельзя было даже понять, он это или кто-то иной. Во сне Агния мучительно мечтала догнать наконец-то эту фигуру и узнать, за кем она гонится.

А в эту ночь все было иначе.

Она стояла на той же пустынной улице. Только что — и это Агния знала совершенно точно — она видела знакомую фигуру. Но куда та пропала? Неизвестно. И спросить не у кого. Женщина вертела головой, прислушивалась к звенящей тишине, ловила хотя бы тень, чувствуя нарастающий ужас. Она понимала, что осталась совсем одна, что у нее нет даже цели, куда бежать. И что если не придет помощь, она может остаться тут навсегда.

Внезапно кто-то окликнул ее по имени.

«Агния...»

Она бы узнала этот голос из тысячи, несмотря на то что прозвучал он глухо, словно из бочки.

— Марек?

«Агния», — повторил он.

— Где ты? — Она завертела головой, пытаясь что-то разглядеть. Но в темноте за клочьями тумана виднелись только силуэты домов, мрачные и неподвижные. Ни тени, ни шороха...

«Агния!»

— Где ты? Я не вижу тебя!

«Иди ко мне! Помоги мне!»

— Марек. — От облегчения она готова была разрыдаться. — Где ты? Я иду! Я...

«Сюда!»

Глухой голос доносился откуда-то сбоку, с той стороны, где высились темные дома. Не раздумывая, женщина бросилась на голос, протягивая руки.

«Агния...»

Впереди показался силуэт. Нездешним огнем горели знакомые глаза. Он здорово изменился — волосы стали почти белыми, нет, не седыми, а именно молочно-белого приятного цвета. Черты лица истончились, обрели прозрачность и нежность. Агния подумала, что, если бы у Марека была сестра-близнец, она могла бы выглядеть именно так.

— Марек!

«Иди ко мне!» — Он протянул руки.

— Я иду! Марек, я иду!

«Я жду...»

Она бросилась бежать, смеясь и плача одновременно...

И еле успела затормозить на самом краю невесть откуда взявшейся ямы. Вскрикнула, взмахнула руками, изо всех сил рванулась назад, отступая...

И проснулась.

Занимался серый осенний рассвет. Небо от края до края закрывали облака, но дождя не было. Несколько минут Агния лежала в постели, глотая слезы и вспоминая свой сон. Было одновременно сладко и страшно. А еще тоскливо. Впервые за долгое время она увидела лицо мужа, услышала его голос. Он звал ее. Если бы не эта яма... Если бы знать, что она там, можно было перепрыгнуть неожиданное препятствие. «Прости меня, Марек! — подумала Агния, глотая слезы. — Прости! Я такая трусиха! Я не смогла...»

Полежав еще немного, она тихо встала с постели. Ни за что не хотелось приниматься. Но душа тосковала. Немного утихомирить боль могло только посещение родной могилы. Можно еще заглянуть в храм, попросить о помощи. А если откажут, отправиться к гадалкам. Может быть, хоть кто-то подскажет, что происходит?

ГЛАВА 2

Не успела она сойти с крыльца, как над ухом прозвучал негромкий голос:

— Агни?

Молодая женщина вздрогнула. Маленькая сумочка-кошелек выпала из руки, и Ариэл проворно нагнулся, поднимая ее.

— Ты что тут делаешь? — прошипела Агния, досадуя на себя за свой страх.

Здесь, днем, среди людей, она боялась его гораздо меньше. Хотя ее дом и стоял в глубине Капустной улицы, но в пяти сотнях шагов раскинулся широкий Радужный проспект, по которому туда-сюда сновали экипажи. Мимо шли прохожие, вприпрыжку торопились по своим делам мелкие служащие — люди, сатиры, представители других рас. Достаточно было одного ее возгласа, чтобы привлечь внимание. Конечно, нелюди не вяжутся в ссору двух людей, но могут позвать патруль.

— Тебя ждал. — Ариэл выпрямился, протягивая ей ридикуль. — Куда направлялась?

— Не твоё дело! — Она выхватила сумочку из руки, демонстративно распустила завязки, проверяя содержимое. В одном отделении были деньги — десяток имперIALов и несколько мелких монеток. Агния позвенела мелочью, но наткнулась на холодный взгляд чуть прищуренных глаз и передумала пересчитывать свои «богатства» на улице.

— Тебя проводить?

— Вот ещё. Сама прекрасно дойду!

Отступив в сторону, она наткнулась каблучком на ступеньку крыльца, покачнулась — и тут же жесткие пальцы сжали ее локоть.

— Ну вот видишь! На ровном месте спотыкаешься! — Ариэл рывком заставил ее выпрямиться. — Нет уж, позволь тебя проводить!

Он коротко свистнул, взмахнул рукой — и фиакр, стоявший у обочины на противоположной стороне улицы, поравнялся с ними. То, что мужчина нанял его заранее, не вызывало сомнений и оставило неприятное впечатление. Оказывается, он все спланировал.

— Так куда ты едешь? — Ариэл протянул руку, помогая забраться на сиденье. Не желая принимать его помощь, Агния прыгнула внутрь сама и уже оттуда ответила:

— На кладбище.

— К нему? Понимаю! Гони к Невинным Душам!

Одним прыжком Ариэл запрыгнул внутрь. Фиакр рванулся с места. Застоявшийся конь пошел широкой рысью, словно участвовал в бегах.

Внутри на кожаном узком сиденье было достаточно просторно — в ряд могли усестись трое, а коли потесниться, то и четверо пассажиров. Агния отодвинулась как можно дальше от своего спутника и принялась усердно рассматривать через

окно дома, людей, козлоногов, рогачей. Рассеянно читала вывески над лавками и яркие афиши. Ей не хотелось разговаривать. Ариэл, правда, несколько раз пытался что-то сказать, но она не обращала на его слова никакого внимания, и в конце концов он замолк.

Когда фиакр остановился у ворот кладбища Невинных Душ, мужчина выбрался первым и Агнии пришлось дотронуться до его руки — иначе он бы просто не выпустил ее наружу. Но, оказавшись на земле, она решительно выдернула ладонь и зашагала в сторону большого собора Праматери Скорбящей.

К началу службы они опоздали. На хорах уже пели величальный гимн, священник провозгласил молитву, приветствуя собравшихся, и теперь произносил речь, благословляя свою паству, а люди стояли и сидели неподвижно, внимая его речам. Прежде чем найти свободное место на скамьях, Агния окунула пальцы в купель со «слезами Матери», коснулась ими глаз, лба и губ. К ее удивлению, Ариэл сделал то же самое. Обычно он отличался редкой нечувствительностью к подобным обрядам.

— Что? — уловив ее удивленный взгляд, ответил он. — Мар был моим братом... хоть и не родным. И я так и не смог проводить его, как подобает.

— Ты вообще ничего не делаешь так, как подобает! — не удержалась Агния от подколки.

— Да, — без тени улыбки кивнул он. — В прошлом я совершил много ошибок. И самая большая из них...

— Т-ш-ш! — зашипела на них какая-то дама под такой же темной вуалью вдовы. — Имейте совесть!

— Ничего, — скривился Ариэл. — Думаю, Праматерь простит одного из своих сыновей.

Агния присела на краешек соседней скамьи, с неудовольствием отметив, что ее спутник пристроился рядом. В прошлом он не был столь набожен, но думать о характере этого человека не хотелось. Молодая женщина опустила на лицо вуаль, склонила голову, внимая звукам органа и ловя отдельные слова из речи священника. Она сидела у самого выхода, сюда долетали только обрывки фраз, поэтому ничто не мешало ее мыслям.

Венчались они не здесь, а в небольшом храме Благой Вести. Пронизанный светом, люющим из разноцветных витражных окон, он был таким маленьким, что не мог вместить всех желающих, несмотря на то что у жениха и невесты было мало род-

ных. Родители, замужняя сестра и несколько подружек невесты, всхлипывающие тетушки и еле держащийся на ногах от старости дядюшка жениха, несколько его университетских приятелей, ректор в качестве почетного гостя. Остальные ждали на улице, теснясь в распахнутых дверях, и устроили молодым бурную овацию, когда те появились на пороге церкви.

Целый дождь цветов, зерен и мелких монеток хлынул на Агнию, и она спрятала лицо на плече мужа. Марек обнял ее, привлекая к себе:

— Ты что?

Она подняла глаза, чувствуя, что на них наворачиваются слезы.

— Ты плачешь?

— От счастья, — прошептала она тогда. И Марек двумя пальцами поднял ее лицо за подбородок и поцеловал в губы на глазах у всех.

— Обещаю, — торжественно сказал он, — что, пока я жив, ты будешь плакать только от счастья!

Тогда ей казалось, что счастье будет длиться вечно. И первые два месяца она действительно была счастлива, просыпаясь каждое утро с мыслью о том, что в ее жизни есть самый лучший мужчина на свете, которого она будет любить всю жизнь.

А потом он однажды ушел. Собрался, сказал, что отправляется в важную экспедицию, что его не будет несколько дней, но это разлука временная, а потом... И ушел, чтобы вернуться мертвым. И с тех пор в ее жизни не было счастья. Были только слезы...

Они и сейчас навернулись на глаза, и, не в силах сдерживаться, Агния заплакала, пряча лицо в ладони и стискивая зубы, чтобы не зарыдать в голос. Она ничего не могла поделать со своей болью, но люди осуждали подобное, и она научилась сторониться посторонних. Держалась в отдалении, никуда не выходила без крайней нужды, перестала общаться с подругами и родными. Ей не хотелось, чтобы рядом был хоть один человек. Лимания не в счет, она же сатирра из племени козлоногих.

Сквозь слезы Агния почувствовала, как крепкие пальцы сжали ей локоть. Сопровождавший ее мужчина встал, заставив подняться тоже, увлек за собой к выходу, пока отчаянные рыдания не нарушили молитвенные песнопения.

Двери храма были распахнуты настежь, и после полумрака неяркий осенний денек казался похожим на летний солнечный

полдень. Ариэл оттащил Агнию в сторону, достал из кармана камзола надушенный платок, отвел ее руки от заплаканного лица и вытер ей щеки.

— Не реви. Слезами горю не поможешь!

— Много ты понимаешь! — Она вырвалась, достала собственный платок. От этого так разило фиалками и еще чем-то приторно-сладким, что хотелось чихать. Кто бы мог подумать, что у такого мужчины платок будет благоухать, словно оранжерея в королевском дворце! — Тебе не приходилось...

— Ну да, — кивнул Ариэл. — Мне не приходилось сначала терять родителей, потом семью, затем любимую женщину, а под конец младшего брата... Да успокойся ты! Мар умер почти четыре месяца назад. Уже ничего не исправишь, остается только смириться и...

— Нет! — воскликнула она. — Я не смирюсь! Я люблю Марка и буду любить его вечно! До самой смерти! Он — моя единственная любовь! Одна на всю жизнь!

— Ну и глупо! Он умер. Понимаешь? Умер! А ты — жива. И надо продолжать жить.

— Моя жизнь кончилась...

— А моя — нет. И я намерен жить дальше! И любить.

— Вот и живи. — Агния отвернулась, сердито глядя на подъездную аллею и примыкавшее к храму кладбище Невинных Душ. К нему вели два подхода — со стороны храма, то есть в двух шагах от ступенек, и с противоположной стороны, от высокой ограды и окраинных улиц. — А меня оставь моей судьбе!

— Чахнуть в четырех стенах, проливая слезы и предаваясь скорби? Нет уж.

— Уйди! И забери свой платок!

Скомкав надушенный фиалками и жасмином кружевной лоскуток, она швырнула его в лицо Ариэла.

— Платок? — Он ловко поймал влажный комок. — Но он не мой! — развернул отороченный кружевом прямоугольник, внимательно осмотрел вышитую в уголке монограмму. — «О. Л.» Интересно, кто это такая? Может быть, Оливия Лаймери? Или Октавия Лансеро?.. Хм... — Он понюхал краешек. — Нет, по-моему, это все-таки герцогиня Ольторн... Как там ее звали? Лариса?

Агния с изумлением смотрела на этого наглеца и циника. А тот, поймав ее взгляд, вдруг улыбнулся и небрежно сунул платок в карман с таким видом, словно это была простая тряпочка:

— Ты ревнуешь?

— Нет. — Она отвернулась. — Ты мне безразличен. И оставь меня! Мне надо к Мареку.

— На могилу?

— В гости! — воскликнула она, чувствуя, что еще чуть-чуть — и расплачется снова.

Взгляд зацепился за продавщицу, у ног которой стояли две большие корзины, полные ярко-желтых и ядовито-розовых лохматых осенних цветов. Агния со всех ног кинулась к продавщице, но Ариэл ее опередил. В три прыжка обогнав спутницу, он бросил торговке империл, выхватил из корзины несколько цветов и быстро протянул их ошеломленной его поступком женщине. Цветы Агния не приняла.

— Прости меня. У меня не хватило духа прийти на твою свадьбу. У меня не нашлось времени как подобает проводить в последний путь Мара, но никогда не поздно признавать свои ошибки...

— Признавать, может, и не поздно. А вот исправлять...

— Не будем здесь ругаться. — Ариэл взял ее под локоть. — Пойдем лучше к нему!

Агния смирилась и безропотно позволила увлечь себя по дорожке.

Вблизи храма могилы были старые. Многие каменные плиты глубоко ушли в землю, некоторые надгробные камни были покрыты мхом и серо-желтыми пятнами лишайника. Старые деревья смыкали ветви над ними, роняя первые осенние листья. Общий День поминовения еще не настал, и большинство могил выглядело неухоженными. У братьев-молельщиков не хватало рук, чтобы обихаживать все огромное кладбище — ведь они должны не только порядок наводить, но и молиться над покойниками и утешать скорбящих родственников.

Ариэл крепко держал одной рукой Агнию за локоть, в другой руке неся цветы.

— Покажи мне дорогу, — сказал он. — Я точно не знаю...

— Ты ни разу у него не был?

— Почему? Заходил. На другой день после похорон, и еще чуть позже, когда... ну, это мои личные дела.

Она кивнула, не желая спрашивать. В конце концов, что ей до этого человека?

Дорога со стороны храма была почти в два раза дольше, и в какой-то момент молчать стало невыносимо.

— Ты... давно приехал?

— Нет. Позавчера. Закончил свои дела — и сразу к тебе. Принимаю, что должен был сделать это раньше...

— Ты мне ничего не должен. Я нормально жила без тебя...

— Ага, нормально, как же! Сидела взаперти, проливала слезы... Ты похудела и стала такой бледной. Я сначала подумал, что ты болеешь...

— Мне не для кого жить.

— А для себя? Ты молодая, красивая... Ты могла бы...

— Могла бы что? Второй раз выйти замуж? — Агния остановилась, в упор посмотрела на Ариэла.

— Ну хотя бы! Мар оставил тебе небольшое состояние. Правда, оно довольно скромное...

— Мне хватает! А какое тебе дело до моего состояния? — Внезапно Агния вспомнила, что, насколько она знала, своего дома у Ариэла не было. Пока был студентом, как и Марек, жил в общежитии, а когда его отчислили... Где он ночевал в промежутках между посещениями более успешного брата? — Ты охотишься за ним?

Бледные губы на обветренном лице изогнулись в улыбке:

— Если бы я охотился за состоянием, то давно бы женился. Мне не нужны деньги. Мне нужна ты.

«Мне нужна ты!»

Однажды она уже услышала эти слова, сказанные тем же самым тоном. Только тогда был вечер.

До свадьбы оставалось всего два или три дня. Уже было готово платье — верхнее, теплого кремового цвета, с золотым шитьем, и нижнее, собранное в мелкие складочки. Портниха не успевала, и к Агнии приехала сестра, чтобы помочь пришить кружева. Тут же хлопотали подружки — без конца перебирали в шкатулках и ящиках комодов мелкие вещи, щебетали о чем-то своем. Внизу носились слуги — кроме Лимании для предстоящих торжеств были наняты еще трое козлоногов.

Один из них как раз и поднялся наверх, к людям, постучав в дверь:

— Госпожа, вас там про-о-осят! — На человеческом языке он говорил с заметным акцентом.

Агния посмотрела в окно. Смеркалось.

— Кто?

— Мужчина. Че-э-элове-э-эк!